

DOI 10.15826/qr.2017.4.265

УДК 331.101.21+343.244.25

МЕЖДУ ПРАВОМ И НАКАЗАНИЕМ: ТРУД В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Сергей Красильников

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

BETWEEN RIGHTS AND PUNISHMENT: LABOUR IN THE EARLY YEARS OF SOVIET SOCIETY

Sergey Krasilnikov

Novosibirsk National Research State University,
Institute of History of the Siberian Branch of RAS,
Novosibirsk, Russia

This article considers the sphere of labour and social labour relations in the post-revolutionary Soviet Union, which always occupied an important place among the priorities of the Bolshevik regime. The author analyses the reasons, tendencies, and results of how labour law gradually became a doctrinal instrument of the Bolshevik authorities aimed at the elimination of differences between wage labour and compulsory labour, and also between compulsory labour and forced labour. The analysis is performed with reference to documents and materials of the leading official weekly of the RSFSR People's Commissariat for Justice, the *Yezhenedelnik sovetskoy yustitsii* (Eng. *The Weekly of Soviet Justice*), known as *Sovetskaya Yustitsiya* (Eng. *Soviet Justice*) from the 1930s. It is demonstrated that state policy was a combination of doctrinal propositions on liberated labour and pragmatic decisions regarding the compulsory character of labour, labour mobilisation, etc. The etatisation of the sphere in question was carried out in stages, i. e. the universal labour duty after the end of the Civil War was substituted by the Labour Code of 1922, which regulated wage labour. Together with this, the forced labour sector still existed and was constantly expanding. One part

* Citation: Krasilnikov, S. (2017). Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265.

Цитирование: Krasilnikov S. Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265 / Красильников С. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1027–1046. DOI 10.15826/qr.2017.4.265.

of it (prisons, colonies) was regulated by the Correctional Labour Code, while the other (camps) was no longer part of the Labor Code or the Correctional Labour Code. Forced labour that did not involve imprisonment was a special correctional measure, a lenient punishment that lasted no more than a year. In the 1930s, over 4 million people were sentenced to this kind of punishment, and between 1940 and 1955, 11 million people were sentenced to forced labour for absenteeism. Such a practice became an everyday element of the labour potential of the country and symbolised the symbiosis of compulsory and forced labour during the early Soviet era.

Keywords: sphere of labour; state priorities; policy of punishing with labour; codes and law enforcement; forced labour.

Рассматриваются сфера труда и формировавшиеся на этой основе социально-трудовые отношения в постреволюционном советском обществе, которые всегда занимали важное положение среди государственных приоритетов большевистского режима. Целью исследования стал анализ причин, тенденций и результатов того, как трудовое право становилось инструментом доктринальных установок большевистского руководства, нацеленных на поступательное стирание граней между трудом наемным и обязательным и трудом обязательным и принудительным. Источниковая основа представлена документами и материалами ведущего ведомственного издания Наркомата юстиции РСФСР того периода – «Еженедельника советской юстиции», с начала 1930-х гг. переименованного в журнал «Советская юстиция». Показано, что государственная политика представляла собой противоречивый симбиоз доктринальных положений об «освобожденном труде» и прагматических решений об обязательности труда, трудовых мобилизаций и т.д. Этатизация данной сферы прошла несколько стадий, когда на смену директивности всеобщей трудовой повинности после окончания Гражданской войны пришла практика законодательного регулирования в форме Кодекса законов о труде 1922 г., объектом действия которого выступал труд по найму. В то же время сохранялся и имел постоянную тенденцию к расширению и дифференциации сегмент принудительного труда, часть которого (тюрьмы, колонии) регулировалась Исправительно-трудовым кодексом, тогда как другая (лагерная) была выведена из сферы действия не только КЗоТ, но и ИТК. Среди форм применения труда как меры уголовного наказания специфическое место занимал принудительный труд без нахождения под стражей как «мягкая» репрессия с кратким, до года сроком наказания. Массовое масштабное применение этой репрессивной меры в 1930-е гг. коснулось 4 млн чел., а с 1940 по 1955 г. за прогулы осуждению подверглись 11 млн чел. «Принудчики» стали обыденным элементом трудового потенциала страны и, по сути, символом симбиоза труда, обязательного и принудительного в раннесоветскую эпоху.

Ключевые слова: сфера труда; государственные приоритеты; политика наказания трудом; кодексы и правоприменение; принудительный труд.

Сфера труда и возникающие в ней трудовые отношения обладают разнообразным потенциалом и спектром взаимодействий – от конструктивных до конфликтных. Это проистекает из самого характера труда и его разновидностей, лежащих в самом широком диапазоне – от труда свободного до труда принудительного, между которыми размещаются труд наемный, близкий к свободному, и обязательный, повинностный, близкий к принудительному. Для модернизированной России в XX в. актуальной выступала задача законодательной и нормативной регламентации всех отмеченных выше разновидностей труда. Приоритетной была проблема правового оформления социально-трудовых отношений в области наемного труда, что послужило появлению и развитию регулирования данной сферы, которое к 1917 г. еще не сложилось в правовую систему.

Государство, революция и труд

После Февраля в России открылась возможность реализации трудового права в тех границах, которые предоставляли условия воевавшей страны. Трудовая конфликтология достаточно быстро начала перетекать в русло создания соответствующих норм и узаконений. Однако изначально в российских городах практически повсеместно сформировалась сеть примирительно-третейских учреждений для разрешения трудовых споров. Создание в структуре Временного правительства министерства труда давало определенные надежды на дальнейшее узаконивание передовых практик трудового законодательства. Большевики, считавшие после Февраля вполне допустимым свое участие в примирительных камерах эффективным инструментом для расширения влияния в среде рабочих и служащих, с осени уже придерживались противоположной позиции. В. И. Ленин акцентировал внимание на том, что компромиссов между трудящимися и государством буржуазии быть не может, что привлечение рабочих организаций к осуществлению государственного контроля над производством, к чему призывали социалисты (меньшевики и эсеры), не более чем обман, в классовой борьбе «срединной линии» не существует. В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» он прямо указывал, что с приходом к власти большевиков последние неизбежно встанут на путь проведения контроля над производством с использованием самого жесткого принуждения (всеобщей трудовой повинности) по отношению к непролетарским слоям [Ленин, т. 34, с. 310–312, 318–320].

Ленин и в дальнейшем был последователен, полагая, что после революции необходимо распространение принципа, стирающего грань между обязательностью труда и принуждением к нему, не только на «эксплуататоров» и «паразитов», но и на все категории трудящихся. Трудящимся, объединенным в коммуны, надлежало не только трудиться самим, но и надзирать за «паразитами». Так, он писал в начале

1918 г. в своей статье «Как организовать соревнование», при его жизни не опубликованной:

Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. <...> В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их по отбытии карцера желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними как за вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов [Ленин, т. 35, с. 204].

В процитированном выше отрывке четко проведена мысль о том, что сфера труда становится важнейшим «трудовым фронтом», где принуждение выступает инструментом перевоспитания (в сталинское время это назовут «перековкой»). Прослеживается и нескрываемое раздражение Ленина поведением групп квалифицированных рабочих (наборщиков типографий), бастовавших против мероприятий большевиков по закрытию непролетарских газет и журналов. Очевидно, что в ленинском и в целом в большевистском понимании абсолютной ценностью обладал лишь труд на пользу государства, вне разделения на служебный, наемный, повинностный (обязательный) или принудительный.

Исходя из прагматических соображений, большевики подвели законодательную основу под социально-трудовые отношения, приняв в декабре 1918 г. первый советский Кодекс законов о труде (КЗоТ). По мнению историков трудового права, он представлял собой противоречивое сочетание идеолого-политических деклараций, явно непригодных для правоприменения, и положений, заимствованных из законодательной практики поздней имперского периода. В нем, в частности, состоялись легализация и регламентация принудительного труда. И если в первые месяцы новой власти всеобщая трудовая повинность первоначально применялась в отношении так называемых нетрудящихся классов, то затем она распространилась на всех трудоспособных граждан с 16 лет. В первом разделе «О трудовой повинности» она нашла законодательное закрепление, а уклонение от нее признавались либо административным проступком, либо уголовным преступлением [Лушников, Лушникова, с. 106–107].

Труд становился важнейшим мобилизационным ресурсом, обеспечивающим функционирование вновь создаваемой советской государственной системы, но ресурсом выживания, а не развития. С окончанием острой фазы Гражданской войны неизбежной становилась задача

трансформации всей сферы трудовых отношений с сохранением при этом «командных высот» за государством. Конституция закрепляла обязательность общественно-полезного труда, тогда как само право на труд в различных его проявлениях конкретизировалось и закреплялось нормами КЗоТ. Новый кодекс, разработанный и принятый осенью 1922 г., представлял собой своего рода уникальное явление среди аналогичных законодательных документов постреволюционной эпохи: даже с учетом вносившихся в него поправок он действовал практически полвека (новая его редакция, принятая в 1971 г., просуществовала три десятка лет). В сравнении с КЗоТ прочие кодексы 1922 г. (Гражданский, Уголовный, Земельный и др.) претерпели весьма значительные трансформации, связанные с резким усилением государственных начал практически уже с первых лет их правоприменения.

Сфера труда и существовавших после выхода страны из эпохи войн и революций социально-трудовых отношений также подвергалась воздействию этатизации, однако на протяжении 1920-х гг. обязательность труда реализовывалась прежде всего в форме найма, а наемный труд требовал адекватных этому регуляторов, обеспечивавших баланс между обязанностями и правами работников и работодателей. Традиционно в исследованиях советского трудового права акцентировалось внимание на правоприменении норм КЗоТ в границах наемного труда, который в известной мере получил наименование «вольнонаемного».

Между тем, труд по другую сторону от «свободы», охватываемый понятием «принудительный», в неменьшей степени заслуживал своего изучения в силу ряда обстоятельств. Первое из них вытекало из масштабности самого явления постреволюционной отечественной преступности, затрагивавшего от миллиона и более человек, осуждавшихся ежегодно советскими судами всех уровней в 1920–1940-е гг. Второе связано с доктринальной установкой большевизма о том, что труд в условиях лишения свободы должен служить инструментом исправления, перевоспитания, «перековки» лиц, совершивших преступления различной степени тяжести. Иначе говоря, в условиях мест исполнения наказания труд из меры принуждения должен был приближаться к труду добровольному, сознательному. Для того чтобы понять, как такого рода идеологические послы находили воплощение в реальной практике исполнения наказания, необходимо выяснить, в какой мере применение норм трудового права, то есть КЗоТ, работало в отношении осужденных судебными органами.

Регулирование труда осужденных советскими кодексами

Ответ лежит в обращении к положениям Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР в редакциях 1924 и 1933 г. Доктрина «исправительно-трудового воздействия» на правонарушителей объявлялась фундаментальной целью деятельности системы исполнения наказа-

ний наряду с функцией изоляции совершавших преступления лиц. Использование трудового потенциала осужденных судами лиц имело под собой и прагматическую задачу возмещения издержек на содержание самих исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), что требовало найти баланс между соблюдением режимной регламентации, присущей местам заключения, и регламентации труда заключенных.

Представляется возможным ввести понятие «режимный труд» наряду или вместо «принудительного труда». Это необходимо для выделения в несвободном труде тех элементов, которые служили его упорядочению от нарушений и произвола со стороны администрации ИТУ и созданию условий и стимулов для производительного труда лиц, лишенных свободы. Так, уже в первом советском ИТК 1924 г. ценность труда достигалась тем, что он служил важнейшим основанием для перевода заключенных из одной категории в другую, получения права на условное и безусловное досрочное освобождение и сокращения сроков лишения свободы благодаря системе «зачетов» (два дня работ за три дня срока лишения свободы) (гл. 2, ст. 16, п. 5) (цит. по: [ГУЛАГ, с. 32]). За труд заключенным полагалось вознаграждение, зачислявшееся на их текущие счета (гл. 2, ст. 70, 72, 74, 79) [Там же, с. 40].

Центральное место в ИТК 1924 г., которое задавало рамки применения КЗоТ в условиях несвободы, занимала ст. 57, в которой перечислялись статьи КЗоТ, обязательные для регламентации условий труда заключенных, касавшиеся сфер охраны труда, времени отдыха и регулирования продолжительности рабочего времени в ИТУ (с небольшими исключениями это были ст. с 94-й по 144-ю). В частности, применение норм КЗоТ ограничивало продолжительность рабочего времени в местах заключения восемью часами с уменьшением этой продолжительности до семи в ночное время и до шести для лиц до 18 лет. Сверхурочные работы допускались в исключительных случаях. Соблюдение положений кодекса с выявлением всех замеченных нарушений возлагалось на местные аппараты Наркомата труда (ИТК, ст. 81) [Там же].

Значительное место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей (гл. 4), получившей широкое распространение в послереволюционной практике исполнения наказания по суду и частично в административном порядке. Данная карательная мера применялась в отношении лиц, совершивших неопасные преступления и приговоренных на сроки от месяца до года. Наиболее «мягким» было отбывание наказания сроком до полугода на том же предприятии или учреждении, часто на том же рабочем месте, но с удержанием части заработка в пользу органов исполнения наказания. Другой группой «принудчиков» выступали лица, выполнявшие на период наказания работы общественного характера (дорожные, ремонтные и др.).

«Исправление трудом» в столь относительно мягкой форме предусматривало для данного типа осужденных и более расширенный

вариант распространения на них норм трудового права, нежели для лиц, отбывавших сроки в местах лишения свободы. Помимо того, что в ИТК 1924 г. на них распространялись уже упоминавшиеся выше статьи КЗоТ с 94-й по 144-ю и система «зачетов» (два дня работы за три дня срока), «принудчики» с годичным сроком имели право на двухнедельный отпуск, а в случае заболевания им предоставлялся также и отпуск по болезни (ст. 37, 38). Иногородние, имевшие семьи, могли по их заявлениям быть переведены в бюро принудительных работ по месту жительства семьи (ст. 41) [ГУЛАГ, с. 34–35].

Эпоха радикальных трансформаций советского общества, наступившая в 1930 г. в связи с утверждением в стране тоталитарного сталинского режима, повлияла на нормы и практику применения труда в условиях частичного или полного лишения свободы. Априорное заключение о том, что труд в режимных условиях получил отчетливо выраженный вектор движения от «исправления трудом» к «наказанию трудом», требует анализа основных нормативных документов с целью установления того, в какой мере оказались деформированы нормы трудового права с точки зрения их применения в пенитенциарных учреждениях.

В «Положении об исправительно-трудовых лагерях», принятом СНК СССР 7 апреля 1930 г., говорилось, что задачей ИТЛ являлась изоляция правонарушителей в соединении с общественно-полезным трудом [Там же, с. 65]. Раздел «Общие условия труда заключенных» не содержал каких-либо конкретных ссылок на статьи КЗоТ. Вместо этого в ряде случаев делались отсылки на межведомственные соглашения ОГПУ и Наркомата труда, что на практике означало отклонение от КЗоТ. Так, в ст. 27 «Положения» говорилось о том, что рабочий день заключенных не может превышать восемь часов. Но далее в тексте той же статьи оговаривалась возможность отступления от этого правила с разрешения Наркомата труда СССР. В следующей за этой ст. 28 оговаривалось, что нормы оплаты труда заключенных устанавливаются ОГПУ по соглашению с Наркоматом труда [Там же, с. 69]. Понятие права в отношении заключенных в «Положении» было редуцировано до прав получения посылок (передач), переписки, распоряжения имевшимися на личном счете деньгами. Оставались меры стимулирования труда, именовавшиеся мерами поощрения и включавшими в себя, помимо улучшения жилищных и бытовых условий и объявления благодарности с занесением в личное дело, несколько форм премирования: денежное вознаграждение, усиленный паек, перевод на льготный режим, представление к досрочному освобождению (ст. 23–25) [Там же, с. 68–69].

Резкое ужесточение режима содержания и условий труда заключенных в лагерях и колониях чем дальше, тем больше контрастировало с утверждениями преамбулы ИТК РСФСР в редакции 1933 г. о том, что данная политика преследует цель «перевоспитания» осужденных «путем направления их труда на общепользные цели и организации этого

труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества» [ГУЛАГ, с. 73]. Следует отметить, что после расформирования в 1930 г. республиканских наркоматов внутренних дел находившиеся в их ведении места заключения передавались наркоматам юстиции; после расформирования в 1933 г. наркоматов труда функции регулятора в сфере труда перешли к профсоюзным органам. Как и в ранее описанном случае с распространением норм трудового законодательства на лагерный контингент, учреждения исполнения наказания (колонии, бюро исправительных работ и др.) в части организации и условий труда осужденных присутствовала обезличенная формулировка: «[Ст.] 74. Условия труда лишенных свободы регулируются общими правилами Кодекса законов о труде РСФСР о рабочем времени, отдыхе, труде женщин и несовершеннолетних и об охране труда. Изъятия из этих правил устанавливаются Народным комиссариатом юстиции по согласованию с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов» [Там же, с. 82]. Норма оплаты труда лишенных свободы определялась особой инструкцией Наркомюста и ВЦСПС (ст. 72).

В ИТК РСФСР 1933 г. устанавливались меры стимулирования за высокие трудовые показатели (гл. 6 – «Меры поощрения и премирования» и разд. 5 – «Условно-досрочное освобождение и зачет рабочих дней»). Для особо отличившихся на производстве заключенных вводилась, правда, со ссылкой на применение в «исключительных случаях», такая поощрительная мера, как краткосрочный

Заключенные исправительно-трудовых лагерей
на строительстве Беломорско-Балтийского канала. 1932

Prisoners of correctional work camps at the construction site
of the White Sea-Baltic Canal. 1932

отпуск (ст. 77). В то же время основной стимул – возможность сокращения срока лишения свободы благодаря системе зачета рабочих дней – «гасился» такой дисциплинарной мерой, применявшейся к нарушителям правил внутреннего распорядка и трудовой дисциплины, как «отмена частью или полностью зачета рабочих дней» (ст. 79, п. 6) [ГУЛАГ, с. 83].

Сравнение базовых документов 1920-х и начала 1930-х гг. в части регулирования трудовых процессов в местах лишения свободы выявляет четкую тенденцию на то, что «режимный труд» неуклонно уходил из сферы действия обычного трудового права, перемещаясь в сторону регулирования особыми ведомственными нормативными документами. А из контроля над соблюдением положений КЗоТ исключались ранее надзиравшие над этим работники местных органов Наркомата труда. Совершенно очевидно, что трудовое право и не могло не быть адаптированным к режимным условиям лагерей и колоний. Другое дело, что «исправление трудом» предполагало наращивание и совершенствование, а не «вымывание» прежде действовавших положений Трудового кодекса из практики этих режимных учреждений. В. Т. Шаламов в переписке с А. И. Солженицыным был категоричен в оценках того, что принудительный труд может перевоспитывать осужденных:

Лагерь может воспитать только отвращение к труду. Так и происходит в действительности. Никогда и нигде лагерь труду не учил. В лагерях нет ничего хуже, оскорбительнее смертельно-тяжелой физической подневольной работы. Нет ничего циничнее надписи, которая висит на фронтонах всех лагерных зон: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» [Шаламов, с. 277].

Две грани ИТК – 1924: труд как исправление и как принуждение

В конце 1925 г. начальник Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР Е. Ширвиндт опубликовал в юридическом журнале статью, в которой подводил итоги первого года действия ИТК в республике. Из приведенной статистики следовало, что по своей социальной принадлежности почти половина осужденных (50,9 %) – крестьяне, а вместе с рабочими (22,0 %) они составляли около 3/4 лишенных свободы. Правда, при этом Ширвиндт оговаривался, что не менее половины из числа крестьян – это отходники, утратившие связь с деревней и перебравшиеся в города и пригороды. Относительно рабочих он также считал, что в немалой степени это «деклассированные элементы». Сделанные коррективы нужны были Ширвиндту для обоснования тезиса о том, что «преступность является по преимуществу продуктом городской жизни» [ЕСЮ, 1925, № 50–51, с. 1530]. Среди осужденных преобладали мужчины (90,1 %), другую часть составля-

ли женщины (7,8 %) и несовершеннолетние (2,1 %). По своему характеру превалировали имущественные преступления (43,7 %), далее по убывающей шли должностные преступления (9,6 %), преступления против личности (9,0 %). По срокам осуждения доминировали лица, осужденные на срок от года до пяти лет (47,3 %), осужденные на сроки до одного года составляли 38,3 %, остальные (14,4 %) имели длительные сроки – от пяти лет и выше. Общее число лиц, лишенных свободы, в местах заключения РСФСР достигало в 1924 г. чуть более 94 тыс. чел., в 1925 г. эта цифра была немногим выше.

Приведенные цифры состава осужденных требовались Е. Ширвиндту для того, чтобы подчеркнуть тенденции позитивного характера, которые давал возможность развить новый кодекс, обозначенный как «исправительно-трудовой». Исправление трудом предусматривало обеспечение заключенных работой: доля их превысила в 1925 г. 40 %. В местах заключения было создано около 1,5 тыс. производственных площадок. За свой труд, отмечал Ширвиндт, заключенные получали вознаграждение, которое в среднем составляло до 75 % оплаты по тарифам отраслевых профсоюзов для наемных работников [ЕСЮ, 1925, № 50–51, с. 1531]. ИТК содержал важнейшее стимулирующее к труду средство – вводилась система так называемых зачетов (два рабочих дня засчитывались как три дня срока наказания).

Е. Ширвиндт считал достижением руководства ГУМЗ оперативный отклик на общее веяние времени, выраженное лозунгом «Лицом к деревне». Речь шла о предоставлении лишенным свободы крестьянам права получить отпуск на полевые работы по месту жительства:

Ограда томской тюрьмы. 1920-е гг.

Tomsk prison wall. 1920s

«Это нововведение, идущее навстречу интересам крестьянства и содействующее поддержанию связи случайных правонарушителей из крестьян со здоровой трудовой крестьянской средой». Впечатляла статистика этой акции: летом 1924 г. этой льготой воспользовалось 10 тыс. чел., из числа которых не возвратились или получили негативные отзывы местных властей меньше 1 % [Там же, с. 1532].

О том, насколько действенной оказывалась осуществлявшаяся практика «зачетов» и к началу 1928 г., дает информацию статья председателя Сибирского краевого суда М. Кожевникова [ЕСЮ, 1928, № 18]. В ней проанализированы сведения 500 личных дел заключенных, освобожденных из Новосибирского домзака в 1927 г. По своему социальному положению среди них преобладали крестьяне (главным образом середняки) – 41,4 %, рабочие (главным образом чернорабочие) – 19,4 %, служащие – 14,4 %. По категориям преступности преобладали кража и скотокрадство (29,2 %), хулиганство (26,6 %), растраты (10,6 %). Рабочие в большинстве своем осуждались за хулиганство, крестьяне – за хулиганство, самогоноварение, преступления против личности, служащие – за растраты и должностные преступления [Там же, с. 539]. В среднем осужденные отбывали в ИТД примерно 3/4 назначенного срока [Там же, с. 540]. Из числа досрочно освобожденных в наиболее выгодном положении оказались служащие и кустари. Служащие отбыли немногим более половины назначенного срока, причем они же были приговорены к наиболее длительным срокам.

Базовым основанием для досрочного освобождения являлся зачет рабочих дней [Там же, с. 541]. В его отношении служащие оказывались в лучшем положении. Из каждых ста дней заключения, назначенных по приговору, служащим сбрасывалось в результате зачета рабочих дней 14,6 дня, тогда как для рабочих этот показатель составил 8,8 дня. М. Кожевников объяснял это следующими причинами:

Труд заключенных, как видно из материалов, используется обычно так: сапожники используются в кожевенном цехе, кузнецы – в механическом, чернорабочие – в ассенизационном обозе, служащие – в канцелярии в качестве счетоводов, делопроизводителей, на работе по юридической части и проч. Канцелярский труд засчитывается наравне с физическим или даже преимущественно перед физическим: некоторым заключенным, занятым физическим трудом, нередко распродкомиссия отказывает в зачете рабочих дней ввиду слабой продуктивности, халатности и т. д.; канцелярский же труд обычно засчитывается полностью [Там же, с. 541].

Что происходило в динамике с практикой отпусков заключенных из числа крестьян на полевые работы? ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением от 25 апреля 1925 г. впервые ввели практику разрешения длительных отпусков (до трех месяцев) для этой социальной категории. Опыт был признан позитивным, и годом позднее республиканская власть 29 апреля 1926 г. пролонгировала его действие

и на время полевых работ 1926 г. Наркомат юстиции РСФСР в своем циркуляре от 12 мая 1926 г. указал на ряд просчетов в осуществлении новшества в 1925 г. Выявлялись случаи, когда отпуска из мест заключения получали личности, имевшие формальный социальный статус крестьян, но реально утратившие связь с сельским хозяйством и ставшие рецидивистами; они занимались своим «ремеслом», вместо деревни перемещаясь в города. В качестве превентивной меры предлагалось перед отпусками запрашивать органы по месту жительства заключенного о желательности или нежелательности трехмесячного отпуска конкретного лица к своей семье для полевых работ [ЕСЮ, 1926, № 21, с. 670–671].

Такая практика получила свое продолжение и в следующем году. 15 апреля 1927 г. был выпущен «утяжеленный» межведомственный циркуляр НКВД и НКЮ РСФСР, в котором ужесточались требования к отчетности о нахождении заключенного крестьянина на полевых работах и конкретно в собственном хозяйстве и о том, что он не должен был допускать в данный период «ничего предосудительного». От этого зависело решение, провести ли этому заключенному зачет времени («два за три») за трехмесячные полевые работы [ЕСЮ, 1927, № 17, с. 525].

Опыт такого рода отпусков для осужденных крестьян оценивался специалистами-правоведами двояко. Одни считали сам принцип безусловно позитивным. В противовес этому известный правовед Н. Лаговьер предлагал обратиться к имевшейся статистике отпусков за 1925 и 1926 г., которая учитывала долю подававших заявление на такого рода отпуска и получивших на это разрешение в зависимости от категорий заключенных-крестьян:

Из каждой тысячи ходатайствовавших были отпущены на работы в 1925 г. 616 чел., в 1926 г. – только 405 чел., то есть степень удовлетворения уменьшилась в 1½ раза. Причем больше всего уменьшение коснулось осужденных за конокрадство (вместо 38,7 % отпущенных в 1925 г. – 16,1 % в 1926 г.; снижение почти наполовину) и за растрату (вместо 47,8 %, отпущенных в 1925 г. – 23,9 % в 1926 г.). Только в отношении лиц, осужденных за воинские преступления и за нарушение правил по здравоохранению и публичного порядка, имеем превышение процента удовлетворения ходатайства об отпуске на полевые работы (для первых с 47,8 % до 58,1 %, а для вторых – с 57,9 % до 70 %) [ЕСЮ, 1927, № 24, с. 735].

Н. Лаговьер привел и цифры не возвратившихся добровольно в места заключения в 1925 г. – 617 из 14559 чел. Сюда же следует добавить 0,7 % тех, кто был возвращен по требованиям населения и местных властей до окончания срока полевых работ. При кажущейся незначительности этой категории заключенных в общей массе крестьян-отпускников (около 5 %) это обстоятельство подталкивало руководство мест заключения к мерам по ужесточению

процедуры ежегодных отпусков заключенных на полевые работы. Впрочем, даже такой критик как Н. Лаговьер не отрицал социально-политической значимости данной меры, применявшейся в интересах крестьянства. В пользу ее говорил даже такой штрих: ужесточение правил рассмотрения ходатайств серьезно не изменило долю разрешений на отпуск для категории осужденных на длительные сроки (свыше пяти лет – 25,9 % от числа подавших ходатайства в 1925 г. и 22,9 % в 1926 г.) [Там же, с. 735–736].

В последующие годы узаконенная с середины 1920-х гг. как мера поощрения практика отпусков для некоторых групп осужденного крестьянства продолжалась. Это следует из ст. 76 ИТК РСФСР в редакции 1933 г.: «В период важнейших сельскохозяйственных работ наблюдательные комиссии могут предоставлять отпуска сроком до трех месяцев колхозникам и единоличникам» [ГУЛАГ, с. 83]. Однако после 1930 г. в юридических изданиях статистика такого рода уже не публиковалась.

Принудительный труд без пребывания под стражей

Среди тенденций в сфере применения труда как меры наказания наибольшему обсуждению в профессиональной юридической среде во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. подвергалась практика организации принудительных работ без пребывания под стражей, которая вводилась ИТК в редакции 1924 г. Возникавшие проблемы при исполнении такого рода наказания требовали разнообразия и вариативности в том, чтобы применять данную норму в городских и сельских условиях, с учетом того, что эта мера применялась не только в судебном, но и в административном порядке. Помимо того, что принудительный труд без пребывания в местах заключения потребовал создания специальных органов (бюро принудительных работ) при местах заключения (для осужденных по суду) и при местных советах (для учета исполнения административных наказаний), в стране в середине 1920-х гг. не было хозяйственных условий для рациональной организации такого вида «наказания трудом».

О том, насколько действенной оказывалась такая мера, как принудительный труд без содержания под стражей, дает представление проведенный в статье, предположительно написанной известным правоведом А. С. Тагером, анализ статистики исполнения принудительных работ в Москве в 1925 г. (5565 дел) и в 1926 г. (6 тыс. дел). Он провел тщательный статистический анализ, из которого следовало, что исполнению наказания фактически подверглось чуть более половины приговоров (54,3 %). Остальные получили замену работ штрафом за неимением фронта работ, освобождением по болезни, амнистией и по другим причинам. Принудительные работы осуществлялись на предприятиях мест заключения, на государственных и об-

ществленных предприятиях и в учреждениях, в негосударственных учреждениях (артели и др.) [ЕСЮ, 1927, № 34, с. 1050].

Тагер очень четко проводил различия в исполнении наказания в виде принудительных работ в системе ГУМЗ и осуществлявшихся по месту работы. Прежде всего речь шла о характере труда. ГУМЗ предоставлял, как правило, физическую и неквалифицированную работу, тогда как труд осужденного на рабочем месте обесценивал, по мнению юриста, репрессивное значение данной меры. Другое различие касалось принципа оплаты труда:

В то время как на предприятиях ГУМЗ выплачивается только 40 % местной ставки за одноименный труд, по месту службы происходит снижение на один, максимум на два разряда. Таким образом, удержание 25 % заработка в пользу принудбюро совершается в одном случае с ничтожно малой суммой, и реальный заработок нередко ниже заработка заключенного в месте лишения свободы, а в другом случае с почти нормальной заработной платы, и остаток составляет три четверти обычного денежного поступления. На практике отношение выражалось в среднем в оплате рабочего дня как 1: 2,5 [Там же, с. 1051].

Тагер полагал, что если сохранять в принудительном труде карательный аспект, то следует допустить организацию безвозмездно отбываемых принудительных работ с выдачей в этом случае пайка для питания и обеспечения жильем, если речь идет о работах вне места проживания осужденного. Для сельской местности принудработники могли направляться к нуждавшимся в рабочей силе трудовым крестьянским хозяйствам (инвалидам, семьям красноармейцев и др.) [Там же].

«У нас скоро многие трудящиеся будут принудработниками»

Весна 1928 г. стала временем резкого поворота в направлениях советской карательной политики. 26 марта 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР № 49 «О карательной политике и состоянии мест заключения», которое фактически подвело черту под прежним продлившемся около пяти лет циклом стабилизации карательной системы, нацеленной на упорядочение законодательства в области соразмерности наказаний за совершенные преступления [ЕСЮ, 1928, № 14, с. 417–419]. В то же время в обществе росла социальная напряженность, вылившаяся во фронтальный рост всех видов и форм преступлений. Но если с уголовной преступностью можно было бороться традиционными мерами изоляции, то опасение вызывал рост тех преступлений, которые квалифицировались как направленные против государства и носившие «контрреволюционный» характер. «Размычка» между властью и основной массой крестьянства (хлебозаготовительный кризис) в сочетании с кампанией борьбы с «экономической контрреволюцией» («шахтинское дело») весной 1928 г.

стали мощным инструментом в пользу того, чтобы встроить карательную и пенитенциарную политику в рамки сталинской директивы «о новом обострении классовой борьбы».

Тем не менее, постановление республиканской власти от 28 марта 1928 г. носило само по себе достаточно умеренный характер, в нем были обозначены вполне разумные подходы, вытекавшие из опыта и практики взаимодействия двух институтов – НКЮста, обеспечивавшего судопроизводство и вынесение наказаний, и НКВД, ответственного за исполнение наказаний. В нем обозначалась необходимость разграничения в карательной политике двух принципов. В первом случае – ужесточения борьбы с особо опасными преступлениями («контрреволюционными», должностными и др.), а также признания необходимости применять суровые меры репрессии «в отношении классовых врагов и деклассированных преступников – профессионалов и рецидивистов». В отношении же «социально неустойчивых элементов», совершивших мелкие преступления и не являвшихся социально опасными, требовалось использовать «в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты». И далее приводился перечень этих мер: «принудительные работы без содержания под стражей; устранение от должности и снятие с работы; лишение права занимать ответственные или выборные должности» и т. д. [Там же, с. 417].

НКВД совместно с НКЮ поручалось разработать проект о принудительных работах на началах

...а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организуемыми для безработных органами Народного комиссариата труда. Платность допустить лишь для лиц, отбывающих принудительные работы по месту службы, или каждый раз по особому определению суда для лиц, не имеющих вовсе никаких средств к существованию; однако и для этих случаев размер платы не должен превышать госминимума данной местности [Там же, с. 418].

Акцент на форсированное использование принудительных работ без содержания под стражей имел под собой несколько оснований. Их целью было совместить доктринальную установку соединения наказания с исправлением трудом с прагматическими действиями карательной политики (осуществить очередную разгрузку мест заключения в условиях их переполненности («проветривание камер»), передав в органы, ведающие принудительными работами, осужденных на сроки до одного года; увеличить число рабочей силы для мобильного использования на хозяйственных и общественных работах, минимизировав затраты на охрану и контроль над «принудчиками»; исполнять наказание практически без затрат для лиц, осужденных к принудительным работам на месте постоянной службы).

Наряду с этим значительно возросли усилия ГУМЗ по развитию и наращиванию собственной производственной базы на основе колоний промышленного и аграрного профиля для осужденных на сроки от года и более. Кроме того, в конце 1920-х гг. проступают контуры программы создания сети лагерей с использованием труда заключенных для освоения отдаленных районов страны, богатых природными ресурсами. В лагеря предусматривалось направлять физически здоровых мужчин, осужденных на длительные сроки заключения. Лагерный тип мест заключения после жесткой межведомственной борьбы между руководством НКВД РСФСР и ОГПУ был закреплен за чекистской структурой. Таким образом, в течение 1928–1930 гг. сложилась система применения принудительного труда как меры наказания, состоявшая из трех сегментов: подсистема, где он применялся в наиболее «мягкой» форме – без нахождения под стражей и на незначительные сроки (от месяца до года), руководство которой на местах осуществляли бюро принудительных (далее – исправительных) работ (БПР/БИР); труд в колониях и тюрьмах заключенных, осужденных на сроки от года до трех лет; лагерный труд для лиц, осужденных на сроки от трех лет и более.

Такого рода сегментирование предполагало, что принудительный труд вне мест заключения, без изоляции от общества будет носить самоокупаемый характер, впрочем, при условии четкой координации действий БПР/БИР с хозяйственными и советскими органами на местах. Насколько готовыми оказались судебная система и система наказаний к столь резкому изменению самой технологии осуществления принудительных работ в массовом масштабе для сотен тысяч осужденных по суду, рассмотрим ниже.

Прежде всего следовало преодолеть определенную инерционность самой судебной машины, которая в 1928 г. продолжала направлять в места заключения осужденных на сроки до одного года, хотя уже действовали директивы о направлении такого рода «краткосрочников» вместо тюрем в распоряжение БПР/БИР. Статистика решений судов в РСФСР, однако, показала, что доля этой группы осужденных к лишению свободы с отбыванием в тюрьмах не только не сократилась, но и выросла в течение года с 24,8 до 27,3 % от общей численности заключенных в республике. В итоге недавно ставший нарком юстиции РСФСР Н. М. Янсон издал циркуляр № 5 от 14 января 1929 г., направленный на то, чтобы переломить ситуацию в работе судов. В постановляющей части нарком использовал жесткую риторику в отношении самих судей:

Строжайшим образом проследить за тем, чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года. Указать судам, что в случае установления такого нарушения сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвине-

нию в неисполнении распоряжения центрального правительства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы [ЕСЮ, 1929, № 2, официальная часть].

Как следовало из материалов юридического издания, судебная система осуществила необходимый маневр. Динамика исполнения наказания в форме принудительных работ по РСФСР действительно оказалась впечатляющей. Если в первом полугодии 1928 г. судами из общего числа осужденных 433 385 чел. приговаривалось к принудительным работам 66 402 чел. (или 15,3 %), а во второй половине 1928 г. число приговоров к данной мере увеличилось до 28,1 %, то из осужденных в первой половине 1929 г. (554 727 чел.) к принудительным работам было приговорено уже 272 861 чел. (или 49,2 %). Между тем, согласно отчетным данным, из общего числа приговоров к принудительным работам приводилось в исполнение только 50 % [СЮ, 1930, № 13, с. 20–21].

Аналитики журнала «Советская юстиция» Я. Перель и Н. Лаговьер отмечали теневые стороны резкого наращивания данной формы исполнения наказания при необеспеченности ее реализации кадровыми, организационными и материальными ресурсами. В частности, широко распространился прямой откуп, когда работы выполнялись не лично осужденными, а членами их семей либо силами наемных рабочих. В Вятке зажиточный «принудиловец» нанял целую артель, которая отвезла за него дрова для сельсовета и школы, после чего устроил для работников пьянку. В одном из районов Тульского округа священник нанял для исполнения порученной ему работы по набивке ледника молочной артели местных граждан, а некоторые вместо него работали совсем бесплатно (впрочем, приведенные факты получили огласку, и работы не были зачтены, производилось расследование). Весьма значительной оказалась и доля «уклонистов» от принудительных работ: в Ленинграде в июле 1929 г. она достигала 25,7 %, в Вятке – 37 % [СЮ, 1930, № 3, с. 15–16].

Сотрудница системы исполнения наказаний в Нижне-Волжском крае В. Клокова, анализируя в 1930 г. региональный опыт, тоже приходила к заключению о наличии негативных сторон в практике организации массовых принудительных работ:

1) Применение судами принудительных работ без учета действительной возможности их отбывания, 2) неиспользование огромного числа принудчиков, отчего эта мера репрессии теряет всякую реальность, 3) отсутствие контроля за выполнением приговоров со стороны прокуратуры и судов, 4) отсутствие правильного учета принудчиков и выполняемой ими работы в органах адмтделов... В НВК на учете органов, ведающих принудработами, состояло на 1 апреля [1930] около 26 тыс. принудчиков, из которых 21 тыс. – по приговорам судов. Из них по месту службы использовалось 3 тыс., в предприятиях мест заключения и бюро принудработ –

3 ½ тыс., и немного более 7 тыс. использовалось в различных предприятиях. Таким образом, было использовано из 26 тыс. около 14 тыс. Остальные 12 тыс., или 46 %, остаются неиспользованными. <...> Если добавить к этому, что и числящиеся в качестве используемых фактически почти не имеют контроля за своей работой, то вся важность организационных вопросов постановки принудработ становится во всей их остроте. <...> Инструкция по применению принудработ, изданная ГУМЗ, представляет возможность использовать труд принудчиков, приговоренных на срок свыше 6 мес., вне места их жительства. Вот эту-то половину принудчиков и возможно стягивать в краевые и окружные центры путем организации специальных трудколоний на крупных, требующих большой рабсилы строительства. <...> Разумеется, что при этом принудчики снабжаются питанием и жильем, им оплачивается проезд на место работ и обратно, и в то же время их труд будет использован на осуществление нужд дела социалистического строительства (цит. по: [СЮ, 1930, № 28, с. 20–21]).

Выступая на совещании народных судей Москвы и области 18 августа 1930 г., заместитель председателя Верховного суда РСФСР Нахимсон, по сути, признал, что наряду «с правильностью проводимой пролетарским судом жесткой репрессии в отношении классового врага», происходит резкий рост осуждений судами, который идет за счет трудящихся. Приводя данные по Москве и области о значительном росте приговоров к принудработам, когда по отдельным категориям осуждение к такого рода приговорам доходит до 68,4 % (по делам о растратах и присвоениях, по делам о хулиганстве и т.д.), он констатировал, что исполнение приговоров оказывалось на низком уровне: на 1 января 1930 г. из судов поступило 17 245 дел, из которых оказались нереализованными 8 967 дел, или 52 %. Вывод Нахимсона гласил: «У нас скоро многие трудящиеся будут принудработниками». В ходе обсуждения приводился пример абсурдного характера: человек был приговорен к принудительным работам и направлен на хлебозаготовки для того, чтобы отбыть там наказание в качестве уполномоченного. В отметке о его работе было написано: «Отбыл принудработы в качестве уполномоченного на х/заготовках» (цит. по: [СЮ, 1930, № 29, с. 16, 18]).

Принудительный труд на короткие сроки без лишения свободы, являвшийся, по мнению идеологов и практиков карательной системы, если и не чисто исправительной, то своеобразной превентивной и дисциплинирующей мерой наказания, в реальности послужил институциональным оформлением своего рода гибридного «режимного труда», промежуточного между трудом обязательным и принудительным со всеми его градациями и оттенками. Ужесточение режима трудовой деятельности с ее нормативной регламентацией фактически привело к постепенному сужению сферы деятельности труда по найму. Однажды законодательно закрепленный как мера наказания принудительный труд в его «легкой» форме (без лишения свободы) прочно и надолго, вплоть до конца сталинской эпохи закрепился в качестве удобного для

государственной системы инструмента мобилизационно-охранительного воздействия на сферу социально-трудовых отношений.

Его прагматизм состоял в том, что «принудчики», отбывавшие наказание по месту своей прежней работы, оказывались на этот период под двойным контролем со стороны администрации и местных работников инспекций исправительно-трудовых работ (ИИТР, с начала 1930-х гг.), оказывая тем самым психологическое «дисциплинирующее» воздействие на других работников предприятий или учреждений. Само же «наказание рублем», то есть отчисление 25 % от заработка в казну, было достаточно обременительным в условиях низкого жизненного уровня основной массы «принудчиков», которые к тому же не освобождались от несения открытых и скрытых обязательств (налогов, принудительного участия в подписках на займы, алиментов и т. д.) в полном объеме.

Статистика применения данного вида «мягкого» наказания трудом с 1930-х гг. свидетельствовала о том, что принудительный труд без лишения свободы прочно занял свою нишу в системе судебных приговоров. В частности, эта мера в различные годы сталинской эпохи составляла в предвоенные годы (1937–1939) в среднем около 41 % судебных решений. Однако затем Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., вводивший репрессии за нарушение дисциплины труда, дал колоссальный рост «принудчиков» в составе осужденных на принудительные работы по месту службы (работы) за прогулы: так, если принудительным трудом в 1939 г. было наказано 401 139 чел., то в 1940 г. эта цифра составила 2 161 793 чел., дав пятикратный прирост по сравнению с предыдущим 1939 г. Соответственно, в составе осужденных судами в 1940 г. доля «принудчиков» поднялась до 64,9 %, то есть две трети вынесенных судами приговоров в этом году касались принудительных работ. В военные годы эти показатели держались в среднем на таком же уровне. В послевоенные годы имело место некоторое снижение данного показателя до довоенного уровня – около 40 %, тем не менее, даже в 1951 и 1952 г. к принудительным работам без лишения свободы суды приговаривали почти по 600 тыс. чел. ежегодно [История сталинского ГУЛАГа, т. 1, с. 616–617]. Но даже в условиях резкого снижения масштабов всех видов репрессий после 1953 г. действовавшая сеть инспекций ИТР включала в себя 2020 учреждений, на учете в которых на 1 января 1954 г. состояло 141 416 осужденных [ГУЛАГ, с. 374–375]. В целом же с момента введения данного указа от 26 июня 1940 г. вплоть до его отмены в 1956 г. к принудительным работам за прогулы было приговорено 11 млн чел. [История сталинского ГУЛАГа, т. 1, с. 77]. Если же учитывать, что начиная с 1929 г., когда практика осуждения судами к принудительным работам без лишения свободы стала носить массовый характер и составляла в среднем до 40 % приговоров к данной мере, и опираясь на среднюю цифру осуждений судами общей юрисдикции до 1 млн чел. в год, можно прийти к выводу, что в 1930-е гг. данной мере наказания под-

верглось не менее 4 млн чел. В совокупности за сталинскую эпоху это дает суммарную цифру до 15 млн чел., оказавшихся в силу различных причин «принудчиками». По существовавшим нормативам, после отбывания принудительных работ с осужденных снималась судимость, однако во всех кадровых и анкетных документах «принудчики» были обязаны указывать сам факт судимости, пусть «мягкой» и краткосрочной. Это не могло не сказываться на последующей судьбе обладателя данной стигмы «наказания трудом».

Список литературы

ГУЛАГ: Главное управление лагерей : 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : МФД, 2000. 888 с.

Еженедельник советской юстиции. М. : Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1922–1929 (ЕСЮ).

История сталинского ГУЛАГа : Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. документов : в 7 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. 728 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967–1981.

Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права : учебник : в 2 т. М. : Статут, 2009. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. 879 с.

Советская юстиция. М. : Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1930–1993 (СЮ).

Шаламов В. Т. Письмо к А. И. Солженицыну // Досье на цензуру. 1999. № 7/8. С. 272–279.

References

Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii [Yezhenedelnik sovetskoy yustitsii]. (1922–1929). Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NK Yu RSFSR.

Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov v 7 t. [The History of the Stalin GULAG. Late 1920s – First Half of the 1950s: A Collection of Documents, 7 Vols.]. (2004). Vol. 1. Massovye repressii v SSSR. Moscow, ROSSPEN. 728 p.

Lenin, V. I. (1967–1981). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works, 55 Vols.]. Ed. 5. Moscow, Politizdat.

Lushnikov, A. M., Lushnikova, M. V. (2009). *Kurs trudovogo prava: Uchebnik v 2 t.* [The Course of Labour Law: Textbook, 2 vols.]. Vol. 1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast'. Moscow, Statut. 879 p.

Shalamov, V. T. (1999). Pis'mo k A. I. Solzhenitsynu [Letter to A. I. Solzhenitsyn]. In *Dos'e na tsenzuru*. No. 7/8, pp. 272–279.

Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]. (1930–1993). Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NK Yu RSFSR.

Yakovlev, A. N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960] / comp. by A. I. Kokurin, N. V. Petrov. Moscow, MFD. 888 p.

The article was submitted on 25.04.2017